

шлом саудовцы с уважением относились к фундаментализму талибов, не особенно задумываясь о том, каким должно быть государственное устройство Афганистана и какие политические компромиссы это повлечет за собой, но теперь они больше не могли позволить себе такого легкомысленного отношения. Поскольку саудовская внешняя политика покоилась в основном на личных отношениях покровительства, а не на государственных институтах, сложно было представить, как могла бы возникнуть новая политика в отношении Афганистана, основанная на саудовских национальных интересах, а не на ваххабизме, и направленная на установление стабильности в регионе.

Если президент Хатами будет продвигать вперед свою программу реформ, то иранский режим будет все больше желать и стремиться к мирному урегулированию в Афганистане, – чтобы не тратить средства на поддержку противников Талибана, предотвратить распространение наркотиков, оружия и национальной розни через границу и еще более сблизиться с США. По иронии судьбы, экстремизм талибов помог сближению Ирана с Саудовской Аравией и ослабил отношения Пакистана с каждой из этих стран. Главные потери от возвращения Ирана в круг цивилизованных стран понес Пакистан. Но чтобы покончить со своей изоляцией от Запада, Иран должен показать себя ответственным и уравновешенным членом международного сообщества. Первым и главным испытанием для него будет его помочь в установлении мира в Афганистане.

Заключение.

Будущее Афганистана

Афганистан превратился в один из «забытых конфликтов современного мира – один из тех, которые Запад, избирательный и непостоянный в своем внимании, предпочел игнорировать, чтобы сосредоточиться на Югославии», – сказал в 1995 году бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали.¹ Мир отвернулся от Афганистана, и тогда гражданская война, этническое размежевание и национальные конфликты обернулись разрушением государственности. Страна перестала существовать как государство, а когда распадается государство, то перестает существовать и гражданское общество. Выросли поколения детей, не помнящих родства и не знающих никакого смысла и способа существования, кроме войны. Взрослые, страдая от насилия, знали только войну и власть бандитских главарей. «Мы имеем дело с разрушенным государством, которое выглядит как гноящаяся рана. Мы даже не знаем, как начать ее чистить», – сказал представитель ООН Лахдар Брахими.²

Все население Афганистана было вынуждено покинуть свои дома, причем не единожды, а много раз. Кабул был разрушен настолько, что его можно назвать Дрезденом конца двадцатого века. То, что было перекрестком Азии на древнем Шелковом пути, превратилось в развалины, тянувшиеся на много миль. Отсутствует всякая инфраструктура жиз-

¹ Ignatieff, 1999.

² Интервью с Брахими, Исламабад, 14 мая 1998 года.

необеспечения, даже самая элементарная. В 1998 году в докладе МККК говорилось, что в 98 000 афганских семей во главе стоит вдова, а в 63 000 – инвалид, а 45 000 человек лечились от ран только в этом году. Число убитых, даже приблизительное, неизвестно. Единственными работающими фабриками были те, где благотворительные организации делали искусственные конечности, кости и инвалидные коляски.³

Афганистан оказался расколот во многих измерениях: по этническому и по религиозному признаку, на горожан и сельских жителей, на образованных и необразованных, на тех, у кого есть оружие, и тех, у кого оно отнято. Экономика стала черной дырой, сосущей соки из соседей и обессиливающей их через контрабанду, торговлю наркотиками и оружием. «Пройдет десять–пятнадцать лет, прежде чем появится действующая центральная власть, способная выполнять минимум административных функций, необходимых для развития страны. И это, на мой взгляд, скорее оптимистическая оценка», – сказал шведский сотрудник благотворительной организации Андерс Фанге.⁴

Сложные отношения власти и авторитета, складывавшиеся веками, были полностью разрушены. Ни одна фракция и ни один лидер в отдельности не имеют достаточной легитимности, чтобы объединить страну. Не национальная, племенная или родовая, а территориальная или региональная самоидентификация стала определяющей. Афганцы больше не называют себя просто афганцами или даже пуштунами или таджиками, а называют кандагарцами, панджшерцами, гератцами, кабульцами или джаузджанами. Линии раскола проходят и по вертикали, и по горизонтали, они разделяют нации, обособляя города или долины. Пуштунская племенная структура была разрушена с утратой общей племенной собственности и паства, а также вследствие войны и множества беженцев. Непуштуны связывают свою жизнь с отдельным полевым командиром и с той долиной, где они родились.

Племенные вожди, прежде помогавшие разрешать конфликты, погибли или ушли в изгнание. Старая образованная правящая элита бежала после советского вторжения, и на ее месте не возникло никакой другой элиты, способной договориться о мире. Нет политического класса, спо-

³ AFP, «Afghan casualty figures show no sign of easing», *News*, 13 October 1998.

⁴ Fange, Anders, «Difficulties and Opportunities; Challenges of Aid in Afghanistan», Paper for Stockholm Conference on Afghanistan, 24 February 1999.

собного на сделки и компромиссы. Есть множество лидеров, каждый из которых представляет малую часть народа, но ни одного Лидера с большой буквы. При таком сценарии, в котором войне не видно конца, главным становится вопрос о том, распадется ли Афганистан, испуская по всему региону волны этнического распада и нестабильности.

Основную вину за продолжение войны несут внешние силы, которые продолжают поддерживать своих ставленников в расширяющейся спирали вмешательства и насилия. Бывший Советский Союз положил начало процессу своим жестоким вторжением, но и сам тяжело пострадал. «Мы принесли Афганистан с собой – в наших душах, наших сердцах, в нашей памяти, в наших привычках, везде и во всем, – сказал Александр Лебедь, бывший майор Советской Армии в Афганистане, сейчас кандидат в президенты. – Эта вялая политическая авантюра, попытка экспорта революции, еще не доказавшей свою состоятельность, стала началом конца».⁵

Афганские моджахеды способствовали кончине Советского Союза, советской империи и даже самого коммунизма. Хотя афганцы заслуживают признательности за это, Запад едва признал их вклад в окончание холодной войны. Выход советских войск из Афганистана знаменовал конец горбачевского эксперимента с перестройкой и гласностью – идеи возможного изменения советского строя изнутри. Это полезный урок для тех, кто сегодня вмешивается в афганские дела: любая страна, идущая на интервенцию, сама может развалиться на части, не из-за мощи афганцев, а под действием внутренних сил, выходящих на поверхность в слабоорганизованном обществе.

Уйдя из Афганистана слишком рано, через несколько лет США получили убитых дипломатов, взорванные посольства, бомбы в Нью-Йорке и дешевый героин на своих улицах, так как Афганистан стал прибежищем международного терроризма и наркомафии. Сегодня афганцы с горечью думают о США, за которые они сражались во время холодной войны и которые бросили их в беде. В 80-е годы США были готовы «воевать до последнего афганца», чтобы достичь паритета с Советским Союзом, но после того, как Советского Союза не стало, Вашингтон оказался не готов установить мир или накормить голодный народ. Регио-

* 1996 год. – Прим. пер.

⁵ Ellestone, 1998.

нальные державы воспользовались политическим вакуумом, образовавшимся с уходом США, чтобы, увидев новые возможности влияния, броситься в схватку.

Когда сегодня США выбирают то одну, то другую тему и выстраивают всю свою политику вокруг нее, будь то трубопроводы, отношение к женщинам или терроризм, они лишь показывают, что мало чему научились. Недолговечный проект *Unocal* мог послужить хорошим уроком для американских политиков, но этого не произошло, и вновь американские дипломаты мечутся по Средней Азии, убеждая нефтяные компании и правительства принять участие в строительстве основного экспортного трубопровода Баку–Джейхан. Но этот проект, скорее всего, будет отложен на неопределенный срок. Начало строительства, запланированное на 2000 год, перенесено сначала на 2003 год, а недавно и на 2005 год.⁶

Из проекта *Unocal* можно извлечь несколько уроков. Невозможно построить крупный трубопровод из Средней Азии до тех пор, пока США и международное сообщество не исполнятся решимости достичь мира в регионе – в Афганистане, Таджикистане, Нагорном Карабахе, Чечне, Грузии и среди курдов. Никто не сможет построить трубопровод без достаточной меры стратегического консенсуса. Иран и Россия не могут вечно находиться в изоляции от того, что происходит в регионе. Они будут оказывать сопротивление и саботировать все проекты, в которых они не участвуют. Трубопровод не может быть построен, если межэтнический конфликт рвет его на части. Национальный вопрос в современном мире звучит, как военная труба. Чтобы решить национальные проблемы, не разрушая государства, нужна упорная и последовательная дипломатия, а не раздача взяток полевым командирам за хорошее поведение.

Нефтяные компании не могут построить трубопровод там, где идет гражданская война, происходят быстрые политические перемены, где нет стабильности и земля отравлена исламским фундаментализмом, оружием и наркотиками. Прежняя Большая игра была основана на гипотетических угрозах, и дело никогда не доходило до прямого применения силы. Россия и Великобритания обозначили границы и заключили договоры, создав Афганистан в качестве буфера между ними. Новая Большая игра должна поставить целью мир и стабильность в регионе, а не возра-

⁶ AFP, «Oil pipeline not ready for main production», 20 May 1999.

стание напряженности и антагонизма. США – единственная держава, которая может заставить все соседние государства прекратить вмешательство в Афганистане. Они должны сделать это с намного большей решимостью, чем до сих пор.

Пакистан, ослабленный после прекращения стратегического партнерства с США по окончании холодной войны и пребывающий в глубоком экономическом кризисе, все еще полон решимости расширить зону своего влияния, пытаясь назначить следующее правительство в Кабуле. Озабоченность Пакистана собственной безопасностью оказывала решающее влияние на его внутреннюю и внешнюю политику начиная с 1947 года, когда он впервые противостоял всемеро превосходящей его Индии. Но военно-бюрократическая и разведывательная элита, решавшая судьбу Пакистана с 50-х годов, никогда не позволяла гражданскому обществу нормально функционировать. Только эта элита могла определять природу угрозы национальной безопасности Пакистана и способы борьбы с ней – но не выборное правительство, парламент, объединения граждан или просто здравый смысл.

Начиная с 1988 года, четыре избранных правительства были отстранены от власти, десять правительств сменили друг друга, а внутренняя стабильность по-прежнему остается далекой мечтой.⁷ Несмотря на глубочайший кризис национальной идентичности и политической легитимности, ошибки в управлении экономикой и поляризацию в обществе, элита показывает худший пример мании имперского величия среди всех стран третьего мира во второй половине XX века. Пакистан сегодня ведет две войны чужими руками: в Афганистане и в Кашмире, и хотя Пакистан сам страдает от их последствий – исламского фундаментализма, наркотиков, оружия и социального разложения, – нет и речи о переоценке и пересмотре ведущейся политики. Сегодня Пакистан созрел для исламской революции в стиле Талибан, которая наверняка покончит со стабильностью на Среднем Востоке, в Южной и Центральной Азии.

Пакистанские политики так и не пришли к пониманию того, что любое стабильное правительство в Кабуле будет зависеть от Пакистана в вопросах восстановления страны, продовольствия, топлива и доступа

⁷ Законно избранные правительства, потерявшие власть: кабинет Мохаммад Хана Джунеджо в мае 1988 года, Беназир Бхутто в августе 1990, Наваза Шарифа в апреле 1993, Беназир Бхутто в ноябре 1996.

к внешнему миру. Экономика Пакистана выиграет, предоставляя рабочих, технических специалистов и материалы для восстановления Афганистана. Беженцы вернутся домой, облегчив финансовое бремя своего содержания, и Пакистан сможет частично восстановить контроль над своими наполовину развалившимися государственными институтами и границами.

Если политика Пакистана в Афганистане была наступательной, то вмешательство Ирана носило в основном ограниченный и оборонительный характер, имея цель воспрепятствовать полному торжеству талибов. Но Иран внес значительный вклад в расчленение страны, делая ставку на шиитов, на тех, кто говорит по-персидски, и поддерживая внутренний раскол даже среди тех этнических групп, которым он помогал. Противоречия между хазарейцами и узбеками, которым Иран оказывал наибольшую поддержку, показывают, насколько разрушительной иранская политика «разделяй и властвуй» оказалась для Северного Альянса. Политика Ирана отражала интенсивную борьбу за власть среди иранской элиты, еще более усилившуюся за последние два года.

Кроме того, полное взаимное недоверие и непонимание между Ираном и Пакистаном затормозило мирный процесс и оказалось пагубным для афганцев. Между двумя странами нет общих позиций в обсуждении афганской проблемы, и, что еще более опасно, каждая из них ведет чужими руками войну суннитов против шиитов (и наоборот) на территории другой и на афганской территории, увеличивая вероятность взрыва межобщинной войны в регионе. С приходом Талибана межобщинная рознь и религиозные и этнические чистки появились в Афганистане впервые за всю его историю.

Государства Средней Азии – новые игроки на сцене, но они быстро приступили к защите от того, что, по их мнению, угрожает их национальным интересам. Их не устраивает преобладание пуштунов в Афганистане и их ужасает тот вид ислама, которому привержен Талибан. Пока их соплеменники в Афганистане участвуют в каком-либо коалиционном правительстве в Кабуле, среднеазиатские государства не перестанут оказывать им помощь для борьбы с талибами. Это ставит под удар планы Пакистана получить доступ к трубопроводам и путям сообщения в Средней Азии через Афганистан. Если Талибан завоюет Афганистан полностью, то среднеазиатские государства смирятся с ним как с

реальностью, но едва ли они доверят свой энергетический экспорт контролируемому талибами Афганистану и Пакистану.

Саудовская Аравия, похоже, так и не смогла прийти к внешней политике, которая бы отвечала ее национальным интересам, а не просто служила для задабривания ваххабитского лобби внутри страны. Только после того, как Мулла Омар нанес личное оскорбление династии Саудов, саудовцы перестали поддерживать Талибан. Экспорт ваххабизма теперь ударили бумерангом по Саудовской Аравии, все более уменьшая авторитет королевской семьи. Критика коррупции правящего режима и плохого управления со стороны Усамы бин Ладена находит отклик среди населения. И если Афганистан не встанет на путь мира, то десятки новых бин Ладенов будут готовы занять его место со своих баз в Афганистане.

Мусульмане во всем мире весьма озадачены саудовской поддержкой Талибана, поскольку интерпретация ислама талибами основана на отрицании и разрушении. В восприятии Запада ислам все более приравнивается к терроризму в стиле талибов и бин Ладена. Многие западные комментаторы не выделяют Талибан, но осуждают весь ислам за нетерпимость и несовременность. Талибан, как и многие другие группы исламских фундаменталистов, выбрасывает из ислама все, кроме теологии: исламскую философию, науку, искусство, эстетику и мистику. Таким образом, все разнообразие, все богатство ислама и основная идея Корана – построение честного и справедливого гражданского общества, где правители несут ответственность за своих граждан, – предается забвению.

Дух ранней арабо-мусульманской цивилизации заключался в разнообразии слагающих ее культур, религий и этносов. Поразительные и многочисленные неудачи в государственном строительстве в современном мусульманском мире вызваны тем, что этот первоначальный путь, его намерение и одухотворенность были отброшены и заменены либо грубой диктатурой, либо узко понимаемой теологией. «Возможно, уделом ислама было привлекать и использовать примитивные народы, окружавшие или пересекавшие его территорию, но затем оказываться жертвой их жестокой силы. В конце концов порядок восстанавливается и раны затягиваются. Успешный воин-дикарь покоряется всемогущей городской жизни ислама», – писал Фернан Бродель.⁸

⁸ Braudel, 1993; Бродель, 1985.